

**От "Я знаю, что ничего не знаю" к "Я не обязан ничего знать":
девальвация сократовского смирения в эпоху постправды и
клипового мышления**

Мозолёва Е.А., Булыго Е.К.

В истории европейской философской традиции трудно найти фразу, которую цитировали бы чаще и понимали бы превратнее, чем знаменитое сократовское «Я знаю, что ничего не знаю». Этот тезис, ставший краеугольным камнем рационального мышления и символом интеллектуального смирения, в современную эпоху переживает опасную метаморфозу.

Из инструмента глубокого самопознания и стимула к бесконечному поиску истины он развился в универсальную индульгенцию для эпистемической лени и оправдание воинствующего невежества. Контраст между двумя культурными контекстами разителен: в одном случае – афинская агора, где босой

Сократ пристаёт к прохожему с вопросом «Что есть справедливость?», признаваясь в собственном неведении лишь для того, чтобы начать мучительный совместный поиск ответа; в другом – комментарий в социальной сети или анонимном канале, где пользователь пишет: «Официальная наука врет, никто ничего не знает точно, думайте своей головой», и дискуссия на этом заканчивается, а истина оказывается похороненной под обломками цинизма. Проблемный вопрос настоящего исследования формулируется следующим образом: почему одна и та же фраза в одном случае ведет к рождению мысли, а в другом – к ее решительному прерыванию?

Для адекватного понимания проблемы необходимо в первую очередь развенчать распространенный миф, представляющий Сократа предтечей агностицизма или этического релятивизма. Философская позиция Сократа, зафиксированная в диалогах Платона, в корне отлична от того, что сегодня в массовом сознании вкладывается в понятие «ничего не знаю».

В диалоге «Теэтет» Сократ сравнивает свое искусство с ремеслом повитухи – майевтикой: подобно тому как повитуха сама уже не способна рожать,

но помогает появиться на свет ребенку, так и Сократ, будучи «бесплоден мудростью», помогает душе собеседника разрешиться от бремени знания [1].

Принципиально важным здесь является то обстоятельство, что сократовское незнание – это не финальная точка и не состояние комфортного безразличия, а экзистенциально напряженная точка старта. Признание собственного неведения у Сократа всегда сопряжено с болью, удивлением и энергичным стремлением это неведение преодолеть.

Как отмечает французский исследователь античной философии П. Адо, сократический диалог представляет собой духовное упражнение, целью которого является не сообщение готовой информации, а глубинная трансформация самого субъекта познания [2]. Сократ сомневается в догмах не для того, чтобы утвердить произвол субъективных мнений, а чтобы расчистить почву для рождения истинного понимания.

Его позиция принципиально противостоит как софистическому релятивизму Протагора, так и скептическому эпохе Пиррона. Для античного скептицизма в изложении Секста Эмпирика воздержание от суждения было путем к атараксии – безмятежности духа, свободе от тревог познания [3]. Скептик стремится к покою, и именно ради этого покоя он отказывается от окончательных суждений о природе вещей.

Сократу же чужд подобный прагматический покой: для него истина объективно существует, но путь к ней лежит не через пассивное принятие авторитета, а через мучительный процесс совместного рассуждения. Незнание здесь – не убежище от тревог мира, а вызов, требующий ответа.

Каким же образом фундаментальный принцип античной гносеологии превратился в оправдание для интеллектуального нигилизма? Механизм этой подмены следует искать в изменении когнитивных установок человека информационной эпохи. Социокультурная среда, характеризующаяся клиповым мышлением и фрагментацией знания, порождает феномен, который в современной эпистемологии определяется как эпистемический порок.

Психологический механизм искажения можно представить в виде трехступенчатой формулы: сначала человек воспринимает обрывочное сообщение о том, что научные парадигмы сменяются, ученые постоянно ошибаются, а еще Сократ говорил, что ничего не знает; затем делается ложный логический вывод, согласно которому раз никто не обладает абсолютным и окончательным знанием наверняка, то любое личное мнение имеет равную легитимность с научным фактом; наконец, следствием становится легитимация конспирологических теорий, отрицание доказательной медицины и распространение феномена «альтернативной науки».

Лауреат Нобелевской премии Д. Канеман в своих исследованиях когнитивных искажений подчеркивает, что человеческий мозг эволюционно стремится минимизировать затраты энергии и потребность в когнитивном завершении заставляет индивида искать не наиболее верное, а наиболее простое и быстрое объяснение, позволяющее снять тревогу неопределенности [4].

В этом контексте фраза «я ничего не знаю» перестает быть трагическим признанием Сократа и становится комфортным алиби для нежелания разбираться в сложности мира.

Теоретическую глубину этой проблеме придаёт анализ, проведённый философом Г. Франкфуртом в эссе «К вопросу о брехне». Франкфурт проводит различие между ложью и тем, что он называет «брехнёй».

Лжец поддерживает непростую связь с истиной. Для того чтобы солгать, ему нужно хотя бы представлять реальное положение дела, следовательно, он уважает истину настолько, чтобы пытаться её скрыть или исказить. Брехун же, напротив, проявляет полное безразличие к истине как таковой.

Его цель состоит не в передаче фактов, а в создании конкретного впечатления о самом себе [5]. Современное использование сократовского принципа в интернет-дискуссиях идеально вписывается в данную концепцию.

Фраза «я знаю, что ничего не знаю» выступает здесь не в качестве начала философского поиска. Вместо этого она служит инструментом риторической защиты, позволяющим заявить о собственной непричастности к обязанности

отвечать за слова и аргументы. Следовательно, перед нами уже не смирение мудреца, а надменность невежды, прикрывающаяся авторитетом классика.

Различия между сократическим диалогом и современным дискурсом постправды носят фундаментальный характер. В античном диалоге целью коммуникации выступает совместный поиск объективной истины, а в современном споре преобладают самоутверждение либо уход от дискуссии с сохранением лица. Сократическое отношение к незнанию трагично и требует преодоления через логос, в то время как современное отношение превращает незнание в удобную гавань, освобождающую от обязанности мыслить.

Метод аргументации, избираемый Сократом, предполагает последовательное задавание вопросов и диалектику. А в интернет-дискуссиях же, напротив, господствуют клиповые мемы, переходы на личности и апелляции к эмоциям. Итогом сократического познания становится апория, стимулирующая дальнейшую работу мысли. Итогом современного спора – блокировка оппонента и замыкание в «эхо-камере» единомышленников.

В эпоху, определяемую Л. Макинтайр как «постправда», эмоциональная убедительность утверждения оказывается весомее его фактической достоверности [6]. Как показывает исследователь, феномен постправды представляет собой не просто политическую технологию или медийный тренд, а глубинное утверждение идеологического превосходства, при котором практикующие его стремятся добиться веры в какое-либо положение независимо от наличия доказательств. Макинтайр прослеживает корни этого явления – от отрицания научных фактов о курении, эволюции и изменении климата до расцвета фейковых новостей как политического инструмента.

При этом стоит отметить, что ключевую роль в формировании культуры постправды внесли особенности человеческого восприятия. Мы склонны считать собственные суждения обоснованными даже тогда, когда для этого нет достаточных оснований. В подобных обстоятельствах сократовское сомнение,

требующее продолжительной концентрации внимания и логической строгости, заменяется быстрым и поверхностным отрицанием всего, что нуждается в умственных усилиях для проверки.

Итак, в XXI веке известное высказывание «я знаю, что ничего не знаю» перестало быть тем, чем его задумывал Сократ. Эта фраза стала разрушительной для общественного сознания именно потому, что была вырвана из контекста. Сократ никогда не говорил этих слов наедине с собой – они были обращены к другому человеку, приглашением к совместному, трудному рождению смысла. Определение этических границ в современном информационном пространстве предполагает не отказ от сомнения, а восстановление неразрывной связи между сомнением и ответственностью.

Признать своё незнание сегодня должно означать не право отключиться от сложной реальности, а обязанность включиться в её изучение – задать вопрос специалисту, обратиться к проверенным источникам, а не засорять информационное поле брехнёй, маскирующейся под свободомыслие.

Восстановить честь Сократа можно лишь одним способом: вернуть в культуру ценность совместного рассуждения. Признать свое незнание – значит задать вопрос другому, а не выключить звук. Признать свое незнание – значит направиться в библиотеку, а не в комментарии к анонимному каналу. Сократ умер, выпив чашу с цикутой, отстаивая право сомневаться в массовых догмах и при этом не прекращая поиска истины.

Мы же рискуем утонуть в информационном шуме, приняв циничное равнодушие к знанию за вершину критического мышления. Преодоление этого кризиса лежит не в отрицании разума, а в его нравственной усилении: от осознания границ своего знания – к действию, расширяющему эти границы через диалог и познавательный труд.

1. Платон. Теэтет / Платон // Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 192-274.
2. Адо, П. Что такое античная философия? / П. Адо; пер. с фр. В. П. Гайдамака. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
3. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений / Секст Эмпирик // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2. – С. 432.
4. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман; пер. с англ. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.
5. Франкфурт, Г. К вопросу о брехне: логико-философское исследование / Г. Франкфурт; пер. с англ. М. Ослона; под ред. Г. Павловского. – М.: Европа, 2008. – 119 с. – (Серия «Идеологии»).
6. Макинтайр, Л. Постправда / Л. Макинтайр; пер. с англ. – М.: АСТ, 2020. – 256 с.